

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА

8

Ш-722

Анализ текста
Основное содержание
Сочинения

И.С. ШМЕЛЕВ

92

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

Дрофа

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА

И.С. ШМЕЛЕВ

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

*Анализ текста
Основное содержание
Сочинения*

4-е издание, стереотипное

ДРОФА
МОСКВА • 2002

— Предисловие —

Серия «Школьная программа» состоит из книг небольшого объема. Каждая из них посвящена отдельному писателю, творчество которого изучается в старших классах общеобразовательных школ. Книги эти могут быть использованы как на уроках при прохождении отдельных тем, так и для повторения пройденного материала, при подготовке к семинарам, зачетам, читательским конференциям. Они будут полезны и во время подготовки к школьным выпускным и вступительным экзаменам в высшие учебные заведения.

Каждая книга условно делится на три блока. В первом помещен краткий пересказ крупного произведения, которое входит в школьную программу по литературному образованию. Это вовсе не значит, что оно не должно быть прочитано в полном объеме. Такая работа предполагается до изучения творчества того или иного писателя. Однако краткий вариант позволит восстановить в памяти содержание произведения, имена основных героев, проследить развитие сюжетных линий. Знание и понимание текста помогут закрепить вопросы и задания. Они, естественно, ориентированы на само произведение, а не на его пересказ. В книгах, посвященных творчеству поэтов, содержится подборка стихотворений, которые наиболее полно отра-

жают их художественный мир, характерны для их творчества.

Во второй блок входят материалы, знакомящие с основными вехами жизни и творчества писателя, историей создания произведения, его литературно-художественными достоинствами, отзывами критиков о нем. Включение в книгу высказываний, содержащих порой полярные точки зрения, поможет ученикам лучше разобраться в литературной ситуации той или иной эпохи, аргументировать свою точку зрения во время литературных диспутов в классе, при ответе учителю.

Кроме того, четко сформулированные, точные оценки критиков можно процитировать в сочинении либо использовать в качестве эпиграфа к нему.

Подготовиться к аналитической работе на уроке, научиться грамотно пользоваться литературоведческими понятиями помогут материалы, содержащие анализ текста или системы образов изучаемого произведения, разбор художественных особенностей, присущих тому или иному писателю, поэту, драматургу.

И наконец, последний — третий блок. Он включает в себя все, что необходимо для выполнения итоговой работы над определенной темой. А это чаще всего — сочинение. Чтобы облегчить ученику подготовку к этому ответственному этапу в образовательном процессе, в книгах серии «Школьная программа» представлены темы сочинений, многие из которых, кстати, предлагались либо на выпускных экзаменах в школе, либо на вступительных в вузах, развернутые планы, составление которых сопряжено, как правило, с определенными трудностями, и образцы самих сочинений.

В конце книг приводится список рекомендуемой литературы. Он снабжен краткими аннотациями.

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

I Праздники

Великий пост

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий пост. Розовые занавески, с охотниками и утками, уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый понедельник, и все у нас в доме чистят. Серенькая погода, оттепель. Капает за окном — как плачет. Старый наш плотник-филенщик Горкин сказал вчера, что масленица уйдет — заплачет. Вот и заплакала — кап... кап... кап... Вон она! Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, на золоченый пряник «масленицы» — игрушки, принесенной вчера из бань; нет ни медведиков, ни горок — пропала радость. И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж «душа начнется», — Горкин вчера рассказывал: «Душу готовить надо». Говеть, поститься, к Светлому дню готовиться.

чет: «Увы мне, окаянная я!» Так и в ифимонах теперь читается».

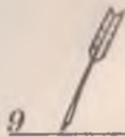
— Потому *они* чувят, что им конец подходит. Христос воскреснет! Потому и пост даден, чтобы к церкви держаться больше. Светлого дня дожидаться. И не по-мышлять, понимаешь. Про земное не помышляй! И звонить все станут: по-мни... по-мни!.. — поокивает он так славно.

В доме открыты форточки, и слышен плачущий и зовущий благовест — по-мни... по-мни... Это жалостный колокол, по грешной душе плачет. Называется — постный благовест. Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина — «Красавица на пиру» — закрыта простынею. Преосвященный так посоветовал. Покачал головой печально и прошептал: «Греховная и соблазнительная картинка!» Но отцу очень нравится — такой шик! Закрыта и печатная картинка, которую отец называет почему-то — «прянишниковская», как старый дьячок пляшет, а старуха его метлой колотит. Эта очень понравилась преосвященному, смеялся даже. Все домашние очень строгие и в затрапезных платьях с заплатками — и мне велели надеть курточку с продранными локтями. Ковры убрали, можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно. Великий пост: раскатишься — и сломаешь ногу. От масленицы нигде ни крошки, чтобы и духу не было. Даже заливную осетрину отдали вчера на кухню. В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, — великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, — такая прелесть. Я хватаю щепотками —

как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... Мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «Рязань»... а грешники, с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!.. Неужели и там, куда все уходят из этой жизни, будет такое постное! И почему все такие скучные? Ведь все — другое, и много, так много радостного. Сегодня привезут первый лед и начнут набивать подвалы, — весь двор завалят. Поедем на Постный рынок, где стон стоит, великий грибной рынок, где я никогда не был... Я начинаю прыгать от радости, но меня останавливают:

— Пост, не смей! Погоди, вот сломаешь ногу.

Мне делается страшно. Я смотрю на Распятие. Мучается Сын Божий! А Бог-то как же... как же Он допустил?.. Чувствуется мне в этом великая тайна — Бог. <...>

ПОСТНЫЙ РЫНОК

Велено запрягать Кривую, едем на Постный рынок.

Кривую запрягают редко, она уже «на спокойе», и ее очень уважают. Кучер Антипушка, которого тоже уважают и который теперь — «только для хлебушка», рассказывал мне, как уважают Кривую лошади: «Ведешь мимо ее денника, всегда посяются-фыркнут! поклончик скажут... а расшумятся если, она стукнет ногой — тише, мол! и все и затихнут». Антип все знает. У него борода как у святого, а на глазу бельмо: смотрит все на кого-то, а никого не видно.

Кривая очень стара. Возила еще прабабушку Устинью, а теперь только нас катает, или по особенному делу — на Болото за яблочками на Спаса, или по первопутке — снежком порадовать, или — на Постный рынок. Антип не соглашается отпускать, говорит — тяжела дорога, подседы еще набьет от грязи, да чего она там не видала... Но Горкин уговаривает, что для хорошего дела надо и всякий уж год ездит на Постный рынок, приладилась и умеет с народом обходиться, а Чалого закладать нельзя — закидываться начнет от гомона, с ним беда. Кривую выводят под попонкой, густо мажут копытца и надевают суконные ногавки. Закладывают в лубяные санки и дугу выбирают тонкую и легкую сбрую, на фланельке. Кривая стоит и дремлет. Она широкая, темно-гнедая с проседью; по раздутому брюху — толстые, как веревки, жилы. Горкин дает ей мякиша с горкой соли, а то не сдвинется, прабабушка так набаловала. Антип сам выводит за ворота и ставит головой так, куда нам ехать. Мы сидим с Горкиным, как в гнезде, на сене. Отец кричит в форточку: «Там его Антон на руки возьмет, встретит... а то еще задавят!» Меня, конечно. Весело провожают, кричат:

«Теперь рысаки держись!» А Антип все не отпускает:

— Ты, Михаила Панкратыч, уж не неволь ее, она знает. Где пристанет — уж не неволь, оглядится — сама пойдет, не неволь уж. Ну, час вам добрый.

Едем, потукивая на зарубках, — трах-трах. Кривая идет ходко, даже хвостом играет. Хвост у ней реденький, к крупу пушится звездочкой. Горкин меня учил: «И в зубы не гляди, а гляди в хвост: коли репица ежом — не вытянет гужом, за двадесять годков клади!» Лавочники кричат: «Станция Петушки!» Как раз Кривая и останавливается, у самого Митриева трактира: уж так привыкла. Оглядится — сама пойдет, нельзя неволить. Дорога течет, едем, как по густой ботвинье. Яркое солнце, журчат канавки, кладут переходы-доски. Дворники, в пиджаках, тукают в лед ломами. Скидывают с крыш снег. Ползут сияющие возки со льдом. Тихая Якиманка снежком белеет. Кривая идет ходчей. Горкин доволен — денек-то Господь послал! — и припевает даже:

Едет Ваня из Рязани,
Полтора ста рублей сани,
Семисотельный конь,
С позолоченной дугой!

На Кривую подмигивает, смеется.

Кабы мне таку дугу,
Да купить-то немогу,
Кину-брошу вожжи врозь —
Э-коя досада!

У Канавы опять «станция Петушки»: Антип махорочку покупал, бывало. Потом у Николая Чудотворца, у Каменного моста: прабабушка свечку ставила. На Москва-реке лед берут, видно лошадок, саночки и зеленые куски льда — будто постный лимонный сахар. Сидят вороны на сахаре, ходят у полыньи, полощутся. Налево, с моста,

обставленный лесами, еще бескrestный, — великий храм: купол Христа Спасителя сумрачно золотится в щели; скоро его раскроют.

— Стропила наши, под кумполом-то, — говорит к храму Горкин, — нашей работы ту-ут!.. Государю Александре Миколаичу, дай ему Бог поцарствовать, генерал-губернатор папашеньку представлял, со всей артелью! Я те расскажу потом, чего наш Мартын-плотник уделал, себя государю доказал... до самой до смерти, покойник, помнил. Во всех мы дворцах работали и по Кремлю. Гляди, Кремль-то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван Великий, Золота Решетка... А башни-то каки, с орлами! И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет. Крестись.

На середине моста Кривая опять становится.

— Это прабабушка твоя Устинья все тут приказывала пристать, на Кремль глядела. Сколько годов, а Кривая все помнит! Поглядим и мы. Высота-то кака, всю оттоль Москву видать. Я те на Пасхе свожу, дам все понятие... все соборы покажу, и Честное Древо, и Христов Гвоздь, все будешь разуметь. И на колокольню свожу, и Царя-Колокола покажу, и Крест Харсунской, ихрустальной, сам Царь-град прислал. Самое наше святое место, святыня самая.

Весь Кремль — золотисто-розовый, над снежной Москва-рекой. Кажется мне, что там — Святое и нет никого людей. Стены с башнями — чтобы не смели войти враги. Святые сидят в Соборах. И спят Цари. И потому так тихо.

Окна розового дворца сияют. Белый собор сияет. Золотые кресты сияют — священным светом. Все — в золотистом воздухе, в дымном-голубоватом свете: будто кадят там ладаном.

Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом?

Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... — была во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церковка под бугром — я знаю. И щели в стенах — знаю. Я глядел из-за стен... когда?.. И дым пожаров, и крики, и набат... — все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... — все мнится былью, моею былью... — будто во сне забытом.

Мы смотрим с моста. И Кривая смотрит — или дремлет? Я слышу окрик: «Ай примерзли?» — узнаю Чалого, новые наши сани и молодого кучера Гаврилу. Обогнали нас. И вон уже где, под самым Кремлем несутся, по ухабам! Мне стыдно, что мы примерзли. Да что же, Горкин?.. Будочник кричит: «Чего заснули?» — знакомый Горкину. Он старый, добрый. Спрашивает-шутит:

— Годков сто будет? Где вы такую раскопали, старей Москва-реки?

Горкин просит:

— И не маши лучше, а то и до вечера не стронет! Подходят люди, чего случилось? Смеются: «Помирать было собралась, да бутوشника боится!» Кривую глядят, подпирают санки, но она только головой мотает — не желает. Говорят: «За польцимейстером надо посылать!»

— Ладно, смейся... — начинает сердиться Горкин, — она поумней тебя, себя знает.

Кривая трогается. Смеются: «Гляди, воскресла!..»

— Ладно, смейся. Зато за ней никакой заботы... поставим, где хотим, уйдем, никто и не угонит. А гляди — домой по-мчит... ветру не угнаться!

Едем под Кремлем, крепкой еще дорогой, зимней. Зубцы и щели... и выбоины стен говорят мне

о давнем-давнем. Это не кирпичи, а древний камень, и на нем кровь, святая. От стен и посейчас пожаром пахнет. Ходили по ним Святители, Москву хранили. Старые цари в Архангельском соборе почивают, в подгробницах. Писано в старых книгах — «воздвигнется Крест Харсунский, из Кремля выйдет в пламени», — рассказывал мне Горкин.

— А это — башня Тайницкая, с подкопом. С нее пушки палят в Крещенье, когда на Ердан ходят.

Народу гуще. Несут вязки сухих грибов, баранки, мешки с горохом. Везут на салазках редьку и кислую капусту. Кремль уже позади, уже чернеет торгом, доносится гул. Черно — до Устьинского моста, дальше.

Горкин ставит Кривую, заматывает на тумбу вожжи. Стоят рядами лошадки, мотают торбами. Пахнет сенцом на солнышке, стоянкой. От голубков вся улица — живая, голубая. С казенных домов слетаются, сидят на санках. Под санками в канавке плывут овсинки, наерзывают ледышки. На припеке яснеют камушки. Нас уже поджидает Антон Кудрявый, совсем великан, в белом широком полушубке.

— На руки тебя приму, а то задавят, — говорит Антон, садясь на корточки, — папашенька распорядился. Легкой же ты, как муравейчик! Возьмись за шею... Лучше всех увидишь.

Я теперь выше торга, кружится подо мной народ. Пахнет от Антона полушубком, баней и... пробками. Он напирает, и все дают дорогу; за нами Горкин. Кричат: «Ты, махонький, потише! колокольне деверь!» А Антон шагает — эй, подайся!

Какой же великий торг!

Широкие плетушки на санях, — все клюква, клюква, все красное. Ссыпают в щепные короба и в ведра, тащат на головах.

— Самопервеющая клюква! Архангельская клю-кы-ва!..

— Клю-ква... — говорит Антон, — а по-нашему и вовсе журавиха.

И синяя морошка, и черника — на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники!

— Вот он, горох, гляди... хороший горох, мытый. Розовый, желтый, в саях, мешками. Горошинки — народ веселый, свои, ростовцы. У Горкина тут знакомцы. «А, наше вашим... за пуколкой?» — «Пост, надоть повеселить робят-то... Серячок почем положишь?» — «Почем почемкую — потом и потомкаешь!» — «Что больно несговорчив, богатеешь?» Горкин прикидывает в горсти, кидает в рот. «Ссыпай три меры». Белые мешки, с зеленым, — для ветчины, на Пасху. «В Англию торгуем... с тебя дешевле».

А вот капуста. Широкие кади на саях, кислый и вонький дух. Золотится от солнышка, сочнеет. Валят ее в ведерки и в ушаты, гребут горстями, похрустывают — не горчит ли? Мы пробуем капустку, хоть нам и не надо. Огородник с Крымка сует мне беленькую кочерыжку, зимницу, — «как сахар!». Откусишь — щелкнет.

А вот и огурцами потянуло, крепким и свежим духом, укропным, хренным. Играют золотые огурцы в рассоле, пляшут. Вылавливают их ковшами, с палками укропа, с листом смородинным, с дубовым, с хренком. Антон дает мне тонкий, крепкий, с пупырьками; хрустит мне в ухо, дышит огурцом.

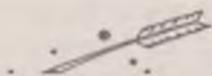
— Весело у нас по-стом-то? а? Как ярмонка. Значит, чтобы не грустили. Так, что ль?.. — жмет он меня под ножкой.

А вот вороха морковки — на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла, кроваво-сахарная, как арбуз. Кадки соленого арбуза, под капусткой поблескивает зеленой плешкой.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Лето Господне. <i>Основное содержание</i>	5
---	---

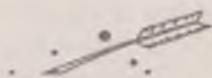
Краткая хроника жизни и творчества И. С. Шмелева	74
История создания романа «Лето Господне»	77
Своеобразие реалистического метода Шмелева: традиционность и новаторство	82
Композиция и жанр романа «Лето Господне» ..	85
Смысл заглавия романа	89
Язык Шмелева	90
Вещный мир Шмелева	93
Анализ текста	95
Критика о творчестве И. С. Шмелева	99
Вопросы и задания	103
Вопросы повышенной трудности	106

Темы сочинений	109
Развернутые планы сочинений	110
«Колодец русскости» (И. А. Ильин): Москва на страницах произведений И. С. Шмелева	110
Черты фольклорной поэтики в романе «Лето Господне»	112
Сочинения	113

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Лето Господне. <i>Основное содержание</i>	5
---	---

Краткая хроника жизни и творчества И. С. Шмелева	74
История создания романа «Лето Господне»	77
Своеобразие реалистического метода Шмелева: традиционность и новаторство	82
Композиция и жанр романа «Лето Господне» ..	85
Смысл заглавия романа	89
Язык Шмелева	90
Вещный мир Шмелева	93
Анализ текста.....	95
Критика о творчестве И. С. Шмелева.....	99
Вопросы и задания	103
Вопросы повышенной трудности	106

Темы сочинений	109
Развернутые планы сочинений	110
«Колодец русскости» (И. А. Ильин): Москва на страницах произведений И. С. Шмелева	110
Черты фольклорной поэтики в романе «Лето Господне»	112
Сочинения	113

«Нам остается только имя...»

(*О. Мандельштам*). Вещный мир романа

«Лето Господне» 113

«Лето Господне благоприятно» и «страна

Кустодия» (*параллели в творчестве*

И. С. Шмелева и Б. М. Кустодиева) 117

Краткая библиография 122